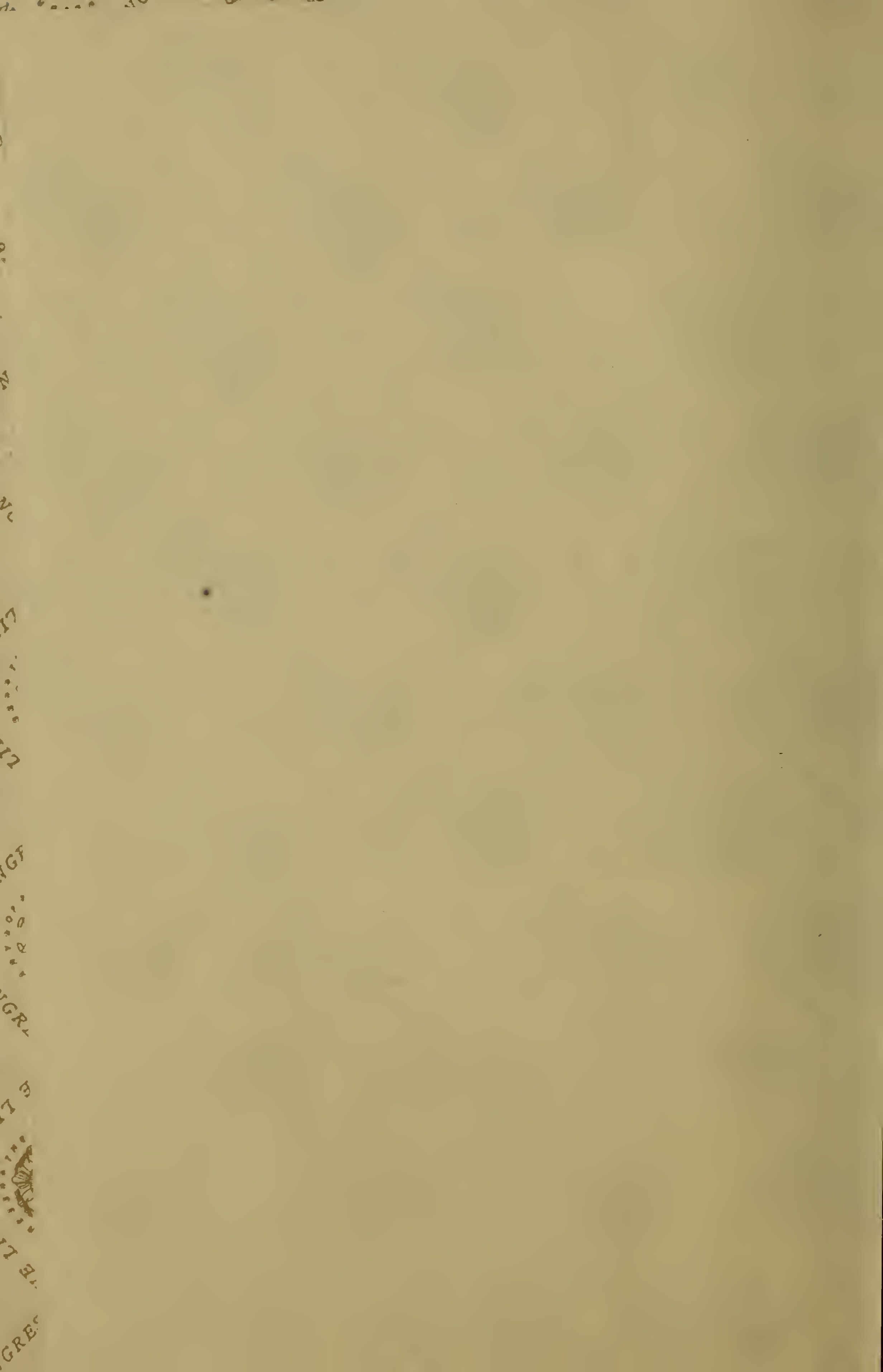

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СОВРЕМЕННЫЯ БАСНИ.

И. К.

«Что сильно чувствовалъ,
То смѣло написалъ.»

Нахимовъ.

(Эти басни были напечатаны, съ 1863 по 1866 годъ, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а теперь собраны въ одну книжку).

ТАГАНРОГЪ.

1873.

Дозволено цензурою. Одесса, 29 Марта, 1873 года.

Типографія И. П. Миронова, Депальдовскій переулокъ, близь каменной лѣстницы, домъ № 7.

I.

Ослицы.

Ослицы захотѣли быть ослами,
И адресъ подали въ ареопагъ ословъ,—
А смыслъ ихъ адреса таковъ:
Что вотъ-де мы, хотя и дамы,
Но чувствуя себя способными къ дѣламъ,
И соревнуя вамъ,
Почтеннѣйшимъ осламъ,
Хотѣли бы трудиться вмѣстѣ съ вами,
Чтобъ равноправность пріобрѣсть
И чтобъ потомъ имѣть намъ честь—
тъ полководцами, судьями, командовать войсками)
И дѣлать все, что дѣлаете вы:
У насъ такіе же, какъ и у васъ умы,
Вѣдь съ вами одного ослинаго мы рода,
И насъ ни въ чемъ не обошла природа....
—«Хе, хе, хе!»—отвѣчалъ ареопагъ:
У нашихъ барынь въ головахъ,
Видать, произошло броженье,
И высшее для нихъ потребно положенье:

Наскучило имъ женщинами быть,
Дѣтей рождать, дѣтей кормить,
И управлять домашними дѣлами....
Эхъ, дамы, дамы!
Чего вамъ хочется,—не знаете вы сами!
Когда-бъ вы вѣдали, какъ трудно быть осломъ,
Не захотѣли-бъ вы перемѣнять потомъ
Всю вашу женственность на славу быть мужчиной,
Хотя бъ виднѣйшимъ и–зо всѣхъ скотиной.—
Чтобъ нашу къ вамъ любовь сильнѣе доказать,
И чтобъ воздать вамъ должное почтенье,—
Извольте выслушать на адресъ вашъ рѣшенье:
Просительницамъ отказать.

II.

Филантропы.

Въ училищѣ не стало книгъ,
И не было, по чемъ учиться;
У сиротъ бѣдныхъ и больныхъ
Ни крошки хлѣба, — не чѣмъ прокормиться;
А арестанты въ городской тюрьмѣ
Безъ чистаго бѣлья давно уже скучали....
Что дѣлать въ этакой печали? —
Ну, вотъ — въ изобрѣтательномъ умѣ
У филантроповъ нашихъ мысль родилась
И тотчасъ въ дѣло воплотилась:
Устроили театръ, и балъ, и маскарадъ
Съ благотворительною цѣлью,
Чтобъ сиротъ прокормить, въ тюрьму бѣлье послать,
И молодому поколѣнью
Всѣ способы подать
Къ полезному ученью. —
Ну, вотъ — и начали *благотворить:*
Играли, танцевали, пѣли, —
Три бала на одной недѣли, —
А въ промежуткахъ всякъ въ театръ спѣшитъ

Искусствомъ благороднымъ насладиться,
Чтобъ лептою своей для бѣдныхъ прислужиться.—
Блистательно окончился *сезонъ*
Отъ святокъ до первой поста недѣли.—
Благотворители потомъ за счеты сѣли,
Чтобъ все, какъ требуетъ законъ,
Привесть въ извѣстность,
И обезпечить горестную бѣдность.—
Сочли приходъ, расходъ, и подвели итогъ....
И что же вышло? кто бы думать могъ?
Чтобъ бѣднымъ помогти святою милостиней
Всего въ остаткѣ: *два рубля съ полтиной....*

III.

Тройка.

Куда ты мчишься, тройка удалая?
Сверкаешь и гремишь,
И воздухъ быстро разсѣкая,
Куда ты, какъ стрѣла, летишь,
Не уклоняяся ни вкривь ни вкось съ дороги?
Куда вы мчитесь, кони быстроноги?
Зачѣмъ не вернетесь назадъ,—
Какъ будто мыслію и волею одною
Рѣшились вѣчно вы впередъ бѣжать
Подъ управляющей рукою?....
На тройкѣ той катила молодежь
Съ одной попойки на другой кутежъ,
И вотъ у нихъ было какое разсужденье:
«Дадимъ-ка тройкѣ сей мы самоуправленье!
Зачѣмъ рутиною казенной намъ бѣжать,
И абсолютнымъ формамъ подчинять
Свободныхъ нашихъ душъ стремленье?
Теперь такое вѣдь настало просвѣщенье,
Что и конямъ пора либерализмъ ужъ знать:
Прочъ возжи и узда и плеть и принужденье!

Лошадушки, катай — валяй!»...
И закатали, заваляли
По рвамъ, по кочкамъ, по буграмъ, —
Заплутались, постромки всѣ порвали,
Телѣгу всю разбили по кускамъ,
И сѣдоковъ по полю разбросали:
Одинъ изъ нихъ въ грязи лежалъ,
Другой слезливо вопіялъ
На переломленныя руки,
А третій ужъ не чувствовалъ и муки,
На камень головой упалъ,
И — Богу духъ отдалъ....

IV.

Прогрессисты.

Въ лѣсахъ дошло до свѣдѣнья звѣрей,
Что ихъ вездѣ честятъ названьемъ *дикихъ* —
За то, что воспитаніе дѣтей
Не на принципахъ новыхъ и великихъ
У нихъ основано, по старины
Они до этихъ поръ еще держатся.
«Ну, можно ль этому такъ дальше оставаться?»
Сказали звѣри: «нѣтъ! мы будемъ вѣдь смѣшны,
Когда отстанемъ отъ прогресса.» —
И вотъ — всеобщій слухъ разнесся,
Что воспитаніе въ лѣсахъ
Пойдетъ теперь совсѣмъ другимъ манеромъ.
Порядокъ весь въ такихъ изложенъ былъ словахъ:
«Воспитанникъ сперва быть долженъ звѣремъ,
Спеціалистомъ же онъ послѣ можетъ быть. —
Воспитывать — одно и тоже, что кормить —
Такъ въ школахъ мѣста нѣтъ для воспитанья!
Дѣтей должны мы лишь чему-нибудь учить, —
Все прочее не стоитъ и вниманья! —
За поведеньемъ пусть полиція слѣдитъ,

А намъ смотрѣть за нимъ... какая скука!
У насъ одинъ предметъ: наука и наука;
До прочаго всего намъ дѣла нѣтъ.
Младое поколѣнье пусть живетъ,
Растетъ, цвѣтетъ, мужаетъ,
Какъ знаетъ,
И какъ законъ естественный велитъ,
Ну, такъ тому и быть
На основаніи животнаго влеченья,
Самоправленія и самопросвѣщенья!—
Питомцамъ некогда опрятность наблюдать,—
Они и съ грязными быть могутъ бородами:
Тѣмъ лучше! значитъ—воспитать
Они себя умѣютъ сами,
И настоящими умѣютъ быть звѣрями.—
Ошейниковъ собакамъ не носить,
Дабы, смѣшавши ихъ съ волками,
Не можно было ихъ отъ нихъ и отличить.
Образованію одинъ законъ: свобода!
Все прочее сама ужъ довершитъ природа.»—
Возрадуйтесь, о Звѣри всѣхъ породъ!
Вы сдѣлали великій шагъ впередъ:
Досель васъ звали *дикими звѣрями*,
Теперь-же, просто, будутъ звать *скотами*.

V.

Медвѣди-туристы.

Въ медвѣжьемъ обществѣ былъ этакой законъ,
Что если въ авторство намѣренъ кто пуститься,
Такъ долженъ онъ
Сперва съ умнѣйшими себя *пораспроситься*,
Отдавши имъ свои и прозу и стихи,
Для очищенія отъ всякой чепухи.
И все у нихъ спокойно, тихо было,
Покуда общество такой законъ хранило.—
Но вотъ — туристы изъ чужихъ лѣсовъ,
Медвѣди молодые,
Пришли до земляковъ,
И осмѣяли ихъ обычаи простые.
«Зачѣмъ у васъ сей варварскій законъ,
И для чего полезенъ онъ,
Чтобъ предварительно давать на разсмотрѣнье
Какое—либо сочиненье?
Что я хочу, пишу; какъ воздухомъ дышать,
Такъ точно долженъ я свободно и писать!» —
— Все такъ; но если вы больны,
И воздухъ заражаете дыханьемъ,

То мы, здоровые, неужели должны
Отравливаться вашимъ изрыганьемъ?...
Не запрещаемъ вамъ дышать,
И что угодно вамъ, вы можете писать,
Но, Бога ради, пощадите,—
Дышать и сочинять туда идите,
Гдѣ для такихъ больныхъ устроенъ общій домъ:
Свобода слова тамъ ужъ ровно ни по чемъ!
Кричатъ, бранятся и шумятъ... прямой содомъ!—
Такъ говорилъ старикъ—Медвѣдь туристамъ.
Они зашикали, и отвѣчали свистомъ...
—Свистать угодно господамъ?
Сказалъ старикъ: свищите,
Да берегитесь и смотрите,
Чтобы отъ свиста вамъ
Не перейти къ слезамъ.—

VI.

Ослофильство.

Между медвѣдями и дикими ослами
Исторія рубежъ враждебный провела.
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ росла
Взаимная вражда межъ этими звѣрями,
И наконецъ вражда дошла,
Со стороны ословъ, до изувѣрства.
Хотя ослы глупцы, но во враждѣ своей—
Умѣли показать на—столько звѣрства,
На сколько не имѣлъ никто изъ всѣхъ звѣрей:
Медвѣдей сонныхъ, чѣмъ попали, били,
И даже многихъ сонныхъ задушили.....
Проснуться наконецъ медвѣдямъ довелось
Отъ сладостной, обычной имъ дремоты:
Поднялся страшный ревъ, пошли труды, заботы;
Все общество Медвѣдей поднялось,
Чтобъ наказать измѣну и коварство,
И истребить въ конецъ ослино царство.—
Казалось-бы, что такъ тому и быть,
Какъ согласились *всѣ* медвѣди порѣшить,—
Анъ—нѣтъ! премногіе межъ ними были

Ужаснѣйшіе ослофилы,
Привыкшіе сочувствовать осламъ,
И не хотѣвшіе отмстить своимъ врагамъ
За ихъ предательство, коварство и убійство....
О стыдъ и срамъ!
Откуда это ослофильство,
Медвѣди, приразилось къ вамъ?!..
Вопросъ такой былъ долго безъ рѣшенья,
Но многія житейскія явленья
Рѣшили наконецъ вопросъ сей такъ:
Между медвѣдями коль есть какой дуракъ,
Осламъ подобный,
Пустой, и ни къ чему не годный,
Такъ ужъ такой *дуракъ всегда—и ослофилъ*,
И у него ужъ не хватаетъ силъ
Понять, что ослофильство
Есть для медвѣдей тожъ самоубійство.

VII.

Двѣ сестры.

Родныя сестры двѣ были
Противнаго совсѣмъ между собою нрава.
Меньшая—бойка, величава,
Не слыша подъ собой земли,
По волюшкѣ своей пустилась,
На цѣлый свѣтъ распутствомъ отличилась,
И стала притчею для всѣхъ.
Посмотришь на нее, — и жаль и смѣхъ!
«Погибшее и *ужъ не милое* творенье,» —
А гоноръ у нея и тонъ—на заглядѣнье....
Другая, старшая сестра
Чернорабочею жила,
И долго у себя не видѣла добра;
Но за ея труды и за ея терпѣнье
Прославилъ Богъ ее на удивленье:
Откуда что взялось, —
Хозяйство у нея на славу разрослось;
Почетъ, богатство, сила, —
Всѣмъ старшая взяла, и горе все забыла.
Вотъ — младшая сестра, собравши духъ,
Испитая, разбитая вся въ пухъ,
До старшей приползла, и въ ноги старшей бухъ!
«Сестрица—матушка! не дай въ конецъ загинуть!

Клянусь всѣ шалости покинуть!
Спаси меня; тебя, какъ мать,
Клянусь любить и почитать,
Не выходя по вѣкъ изъ—подъ твоея власти,—
Спаси и сохрани отъ всякія напасти!»—
Отозвалась въ сестрѣ родная кровь,
И старшая къ меньшой явила всю любовь:
Ее въ свои объятья заключила,
Оправила ее и ободрила,
И раны всѣ ей залечила....
Ну, какъ же младшая сестра,
За столько ей нежданаго добра,
Сестрицѣ старшей заплатила?..
Увы... нельзя было и ожидать...
Едва оправилась, сейчасъ забушевала!
Хотѣла у сестры имѣнья часть отнять,
Противъ сестры всю дворню взбунтовала,
И въ часъ ночной, подкравшися, какъ тать,
Давай дѣтей сестры душить и умерщвлять...
. . . .
Ужасная произошла тревога!..
Что дѣлать съ бѣшеной?.. Вотъ старшая сестра,
Какъ ни была добра,
Рѣшилась наконецъ быть строга:
Сестру, забывшую и честь, и стыдъ, и Бога,
Скрутивши по рукамъ и по ногамъ кругомъ,
Препроводила въ сумасшедшій домъ.
Тамъ голову у ней обрили,
И на цѣпь посадили.—

VIII.

Зеркало.

«Зачѣмъ ты, зеркало, такъ ясно отражаешь
И солнца свѣтлый лучъ и неба синій сводъ?
Стекло — не болѣе, а ты еще мечтаешь
Быть выраженіемъ превыспреннихъ красотъ! —
Случись тебѣ упасть, или пускай рука
Неосторожная толкнетъ тебя слегка, —
Ты въ мелки дребезги мгновенно разлетишься,
И — ни къ чему ужъ не годишься!!»
А зеркало отвѣтъ дало такой:
—Пока не пало я и не разбилось,
Я дѣлаю, что мнѣ назначено судьбой.
Но если-бъ въ дребезги разбиться мнѣ случилось,
Никто не посмѣется надо мной, —
Скорѣе пожалѣютъ
Всѣ тѣ, которые цѣнить меня умѣютъ. —

IX.

Интеллигенція края.

Въ дуплѣ древнѣйшаго изъ кленовъ
Издавна пчелы завелись,
Своимъ хозяйствомъ запаслись
И жили на правахъ аборигеновъ.
Трудясь надъ сотами и день и ночь,
Чернорабочими онѣ всѣ жили,
И праздность отложивши прочь
Работницы усерднѣйшія были.
Случись же такъ, что въ ихъ дупло
Какимъ-то вѣтромъ занесло
Семью одну — другую
Задорливыхъ и безпокойныхъ осъ.
Семейство пришлецовъ сейчасъ же занялось
Устроивать въ дуплѣ республику иную,
И стало толковать хозяевамъ — пчеламъ,
Что «и дупло и кленъ принадлежитъ не вамъ,
Хохламъ,
Но намъ, шляхстнымъ господамъ осамъ.
Вы, холопы, одно лишь то поймите:
Интеллигенція дупла — вѣдь это мы,

Такъ территорія-то чья жъ, скажите?!.
Вѣдь мы господствовать надъ ней должны?..
Для васъ и то ужъ честь большая,
Что можете у насъ рабами быть,
На насъ работать, намъ служить,
Но никогда вамъ ваша *схизма* злая
Не дастъ цивилизованными быть.» —
— Такъ вотъ какъ, пришлецы, надъ нами вы глумитесь, —
Всѣ пчелы зажужжали противъ осъ:
Интеллигенціей уже вамъ быть пришлось —
Когда вы глупы такъ, что во все не стыдитесь
Выдумывать и лгать на цѣлый свѣтъ
О томъ, чего и не было и нѣтъ!?
Чѣмъ вамъ въ чужомъ добрѣ распоряжаться,
Извольте-ка подальше убираться!
Интеллигенцію берите всю съ собой,
И дайте намъ пожалуйста покой.—
Сказавши пчелы такъ, гурьбой на осъ напали,
Отсѣкли крылья имъ, и вонъ повыкидали.—
Такихъ безстыдныхъ, дерзскихъ осъ
Довольно, говорятъ, ужъ развелось
Въ Литвѣ и на Волыни между нами:
О, если бы и здѣсь имъ тоже случилось,
Что случилось въ дуплѣ съ осами.—

X.

Змѣй и Караси

У змѣй съ карасями домашни счеты были.
Карасей змѣи страшно не любили,
А между тѣмъ въ одномъ болотѣ съ ними жили,
Которое во власть карасямъ отдано,
И собственностью ихъ считалося давно.
Вообразите же: вѣдь на какую штуку
Враги—сосѣди рыбъ въ болотѣ поднялись!
За педагогію и за науку
Всѣ змѣи дружно принялись,
И юныхъ карасей учить взялись
Всему тому, чему учить въ болотѣ можно,
Чтобъ знала молодежь, что истинно, что ложно.—
Караси старые примѣтить не могли
Того, что ждало ихъ вдали
Отъ педагогіи змѣиной,
И... поплатился всякъ изъ нихъ своей дѣтиной!!
Все поколѣніе младое карасей,
Для насыщенія вражды своей,
Наставники ихъ—змѣи отравили....
Отъ басни близко и до были...
Какъ хочешь, разумѣй.—

XI.

Тюлени и крысы.

Тюленей царство пребольшое,
Предобродушное, предоброе такое,
Рѣшились крысы развратить,
Чтобы, ослабивши, его поработить.
А чтобъ намѣренье такое злое,
Какъ можно легче, совершить,
То крысы комитетъ устроили центральный,
И этотъ комитетъ подъ полъ залѣзъ.
Цивилизацію, гуманность и прогрессъ
И прочія идеи либеральны
Изъ-подъ пола тюленямъ онъ поднесъ,
Чтобъ средствами такими,
По виду добрыми, святыми,
Перевернуть у нихъ порядокъ весь.
Вотъ развратители и начали трудиться:
Увѣрили они тюленей такъ и сякъ,
Что управителей имъ должно брать изъ крысъ;
Да и учители изъ крысъ же завелись
По всѣмъ училищамъ тюленей
Для развращенія незрѣлыхъ поколѣній.

Успѣли крысы такъ-же захватить
Администраціи главнѣйшія всѣ нити:
Чтобъ имъ покорности не заявить,
Нельзя было нигдѣ войти, ни выйдти, —
А какъ во власти ихъ общественное мнѣнье,
То и разсѣяли надъ всѣмъ глумленье;
Вездѣ невѣріе, анархія, развратъ!
Тюленьи города горятъ!
Въ училищахъ тюленей нестроенье,
Начальству грубости и неповиновенье!
Тюленья молодежь
Пустилась вся въ кутежъ!
Ни уваженія къ святынѣ,
Ни честности въ серцахъ!
Подобно прорванной плотинѣ
Нахлынули со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ концахъ,
Отъ крысъ заклятые, презлые эмиссары.
Разбой, грабежъ, рѣзня, убійство и пожары!
Изчезла истина и честь....
Когда жъ все это кончится?.. Богъ вѣсть. —

XII.

Улей.

Былъ улей пчелъ,
А въ ульѣ томъ порасплодились трутни.
Они, хоть въ праздникъ, хоть и въ будни,
Сидѣли праздно не у дѣлъ
И отъ бездѣлья только разсуждали
«О томъ—о семъ, а чаще ни о чемъ,»
Но впрочемъ всѣ были большіе либералы,
И съ «независимымъ умомъ,»
И съ «убѣжденьями не подкупными.»
Ну, что ты будешь дѣлать съ ними?
Порядокъ въ ульѣ былъ несносенъ имъ;
Все было не по нихъ, и пчелкамъ молодымъ
Ватага трутней уши прожужжала
Про либеральныя начала.
Централизація была для нихъ, какъ ножъ,
Формальность и отчетность—тожъ,
А подчиненный трудъ всѣхъ пчелъ безъ исключенья—
«Казенщина» была достойная презрѣнья.—
«Какой расчетъ при этакомъ трудѣ?
Трудись для общества, а самъ себѣ

Не можешь и вздохнуть свободно, либерально:
Слуга покорнѣйшій! въ нашъ вѣкъ реальный
Гоняться за идеею добра
Прошла пора.
Намъ либеральныя потребны учрежденья,
Комфортъ, изъятіе отъ принужденья,
Свобода слова и свобода дѣлъ,
Чтобъ всякій говорилъ и дѣлалъ, что хотѣлъ.—
Зачѣмъ же, пчелки, вы сидите?
Летите,
Куда хотите,
Къ централизаціи въ свой улей не спѣшите!
Зачѣмъ трудиться вамъ надъ сотами что-день?
Искусство жизни—это лѣнь
Самодовольная, разумная, благая!»—
Одна—другая пчелка молодая
Послушались повѣсъ,
И либеральничать пустились въ лѣсъ,—
Летали тамъ, летали,
Ни меду изъ цвѣтовъ, ни воску не собрали,
И въ улей возвратилися ни съ чемъ.
Затѣмъ
И пчелки прочія разнузданность почули,—
Залиберальничалъ почти весь улей,
И—прекратился общій трудъ....
«Эхъ, плохо! что мнѣ дѣлать тутъ?
Царица улья старыхъ пчелъ спросила.
—Что дѣлать? трутней вонъ!—сказали тѣ:
Въ трудолюбивой нашей тѣснотѣ
Такихъ бездѣльниковъ держать не должно,—

И пчелолюбіе уже тутъ будетъ ложно,
Да и пчелами ихъ нельзя назвать;
Вонъ трутней! вонъ! чтобы опять
Явилась въ ульѣ нашемъ благодать!—
Совѣтъ уваженъ былъ: всѣхъ трутней вонъ изгнали,—
И скоро всѣ они отъ голоду пропали.
А въ ульѣ съ той поры опять трудиться стали.—

XIII.

Ученые Ослы.

Во глубинѣ лѣсовъ
Было учреждено училище ословъ,
И цѣль указана была имъ: *просвѣщенье*,—
Чтобъ длинноухое творенье,
Елико можно, *просвѣтить*
И къ добрымъ нравамъ пріучить.—
Не вѣдомо, что имъ профессора читали,
Чему учили ихъ, и какъ ихъ *просвѣщали*.
Но вотъ—курсъ кончился, и выпускъ былъ ословъ;
И молодежь ученая пустилась
По всѣмъ окраинамъ лѣсовъ.
Съ глубокомысліемъ высокопарныхъ словъ
Пропагандировать она рѣшилась
Идеи новыя и новый жизни строй.—
И у ословъ теперь ужъ взглядъ на жизнь другой—
Со всѣмъ не тотъ, какой доселѣ
Предшественники всѣ имѣли,—
Теперь ужъ вотъ—что намъ ослы запѣли:
«Не вѣрить ничему, чего не видитъ глазъ,
«Чего не осязаютъ руки!
«Всѣ отвлеченныя науки
«Туманятъ только насъ
«Какимъ-то дальнимъ идеаломъ,—
«Въ стремленіи къ нему вся жизнь проходитъ даромъ,

«И улетаетъ прелесть бытія.
«Для жизни цѣль одна—сія:
«Самодовольствіе и наслажденье!
«Все прочее—мечта и заблужденье!—
«Для наслажденія даны ослицы намъ:
«Эмансипировать должны мы нашихъ дамъ,
«Остричь имъ головы, помочь имъ постараться
Во всемъ съ ослами поравняться
«И съ воздержаніемъ навѣки попрощаться....
«Но если жизнь измѣнитъ намъ,
«И, вмѣсто радости, намъ отмежуетъ горе...
«О чемъ же думать тутъ? конецъ бѣдамъ
«Весьма легко найти—иль утопившись въ морѣ,
«Иль въ пропасть бросившись съ утесистой скалы....
«Играй, танцуй, жуируй и шали,—
«Все прочее—мечта и заблужденье!»...
Такъ вотъ—какое нынче просвѣщенье
У васъ, несчастные ослы!
Пока вы не были такъ много учены,
То, просто, какъ съ ослами,
Еще возможно было знаться съ вами
И можно было васъ терпѣть;
Теперь же, сдѣлавшись учеными ослами,
Вы сознаетесь сами,
И словомъ и дѣлами,
Что въ васъ ни капельки ужъ смысла нѣтъ;
И вмѣсто къ лучшему желанной перемѣны,
Ученость ваша вотъ что принесла:
Теперь *оселъ ученый*—
Глупѣе самаго глупѣйшаго осла.—

XIV.

Теоретикъ.

Теорію сапожнаго искусства
Нашъ Климичъ бойко зналъ,
Съ восторгомъ истиннаго чувства
О подошвѣ и дратвѣ толковалъ,
И всѣмъ сапожникамъ давалъ онъ наставленья,
Но шила въ руки самъ не бралъ
И сапоговъ онъ не кроилъ и не тачалъ,—
За что для всѣхъ посмѣшищемъ онъ сталъ—
Дождавшись наконецъ изъ цеха исключенья.—
И въ литераторскомъ цеху
Случаются подобныя явленья.
Иной крикунъ на всемъ своемъ вѣку
Не написалъ ни строчки сочиненья,
А всѣхъ писателей и учитъ и бранитъ,
И съ грязью всѣхъ мѣшаетъ:
«Аскоченскій—наѣздникъ и бандитъ;
Говорскій ровно ничего не знаетъ,
Умѣетъ лишь невѣждъ да поляковъ дразнить;
Аксаковъ—корчитъ изъ себя идеалиста;
Леонтьевъ и Катковъ—достойны свиста»....

А ты же что писалъ, любезный Климичъ нашъ?—
Всю жизнь свою игралъ ты въ ералашъ,
Да философствовалъ безъ толку на безлюдьи?..
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»—

XV.

Пастухи и овцы.

Стада овецъ пасли издавна пастухи,
И отъ волковъ ихъ сохраняли.
Но вотъ—за наши тяжкіе грѣхи
Мы наконецъ такой поры дождали,
Что все полезное для насъ изъ давнихъ лѣтъ,
И самый, кажется, ужъ солнца свѣтъ,
Рутиной называть съ презрѣніемъ мы стали,
Обскурантизмомъ мы порядокъ нарекли,
И учрежденія родной земли
Во чтобъ то ни было, перемѣнить желали.
Реформы духъ напалъ на все, и наконецъ
Дошелъ до воспитанія овецъ.
«Вы, овцы, къ пастухамъ имѣете почтенье,—
Ну, ладно; кто же вамъ,
Незлобивымъ овцамъ,
Куда даетъ какое направленье?
Какъ учатъ васъ и по складамъ и по верхамъ?
И какъ идетъ у васъ все ваше обученье?»—
–А вотъ какъ,––пастухи отвѣтъ [redacted] дали,
И показали всѣ успѣхи стада.
«Не надо васъ, почтенные, не надо!»—
Имъ реформаторы спѣсиво изрекли:
«Дни вашего владычества прошли;

Теперь ужъ ни *азы*, ни *буки* не помогутъ,
И вашъ оконченъ трудъ,—
Стада безъ пастуховъ ужъ обойтися могутъ;
Для нихъ смотрителей теперь другихъ дадутъ—
Наставниковъ развитыхъ, новыхъ,
И съ педагогіей овечьею знакомыхъ;
А съ васъ достаточно и исправленья требъ,
Которое для васъ доставитъ вѣрный хлѣбъ.
Ужъ какъ хотите,
А за потребность вѣка не взыщите,
Молчите, и—простите!»—
По удаленьи пастуховъ,
Въ стадахъ явился и порядокъ новъ:
Мальчишки управлять стадами стали,
Читали сказки имъ и пѣсни имъ играли,
Того жъ никто изъ нихъ не возьметъ въ толкъ,
Что вотъ—смотри—то тамъ, то здѣсь подкрался волкъ
И лучшаго ягненка въ лѣсъ ужъ тянетъ!..
Что—день ягненочка то здѣсь, то тамъ не станетъ....
Въ стадахъ поднялся крикъ и плачъ!
Всѣ овцы поднялися вскачъ,
Бѣжать отъ менторовъ развитыхъ
До прежнихъ пастуховъ, отвергнутыхъ, забытыхъ;
Рутиной прежнею всѣ къ пастухамъ бѣгутъ,
Надѣясь, что они ихъ отъ волковъ спасутъ.—
Теперь не въ модѣ ужъ нравоученье;
Но не мѣшаетъ молвить въ заключенье,
Смыслъ этой басни вотъ каковъ:
Нельзя овцамъ прожить безъ пастуховъ.

XVI.

Оселъ—путешественникъ.

Съ ученой цѣлію отправился оселъ
Въ чужія страны.
Философически онъ изучить хотѣлъ,
Какъ за моремъ живутъ ослы и обезьяны,
Чтобъ знать домашній ихъ и соціальный бытъ.—
И вотъ въ вагонѣ нашъ оселъ сидитъ,
Катитъ,
Куда его везутъ огненны кони!
Исправнымъ образомъ платя прогоны,
Изъ одного въ другой садясь вагонъ,
Европу всю объѣхалъ онъ.—
Не зная языковъ, онъ не скучалъ молчаньемъ,
Отдѣлался вездѣ двусмысленнымъ мычаньемъ,
Да щедро денежки платилъ,
И ровно въ годъ свой путь ученый совершилъ,
Затѣмъ вернулся въ сторону родную.—
Ну, угадайте же, какую
Премудрость онъ на родину привезъ?..
Такую брань и дичь на все свое понесъ,
Что земляки пришли въ остолбененье:
«И край нашъ—дрянь, и дрянь все наше просвѣщенье,—

«О культѣ нашемъ... лучше помолчать;
«Исторію родной страны нельзя читать,—
«Что—за исторія у насъ такая?
«Галиматья пустая!
«Герои всѣ прошедшихъ дней—
«Забава только для дѣтей.
«А наши нравы? наши всѣ преданья?..
«Все, все у насъ достойно порицанья!»...
—Скажите же, почтеннѣйшій оселъ,
Какъ лучше-бы все это намъ поправить?—
«Какъ лучше?» нашъ философъ заревѣлъ,
«А вотъ какъ: жалованье намъ прибавить!
«Тогда мы все у насъ иначе заведемъ,
«Мы даже за прогрессъ впередъ перешагнемъ!»..

XVII.

Оселъ-Резонеръ.

Существенный характеръ всѣхъ ословъ
Есть—совершенная безхарактерность:
Ни мысли собственной, ни пары умныхъ словъ
Не можетъ выдумать ослиная степенность,
Но за другими вслѣдъ они всегда мычатъ,
И резонерствуютъ, и спорятъ, и кричатъ.—
Одинъ такой оселъ, порядочнаго чина,
Хоть впрочемъ все-таки порядочный скотина,
Съ визитами пустился по лѣсамъ,
Дабы толкнуться здѣсь и тамъ
Для поддержанія знакомства и пріязни.
Вездѣ съ достоинствомъ, развязно безъ боязни
Умѣлъ явиться онъ,—разшаркаться умѣлъ,—
Вездѣ глубокомысленно сидѣлъ,—
Но—надо жъ что-нибудь и говорить при этомъ:
Вотъ этимъ-то предметомъ
Оселъ похвастаться не могъ уже никакъ!
«Ну, размышляетъ онъ, вѣдь я же не дуракъ,—
Начну-тка говорить, о чемъ у насъ болтали
Въ лѣсу недавно волки и шакалы.»—

И началъ онъ: «скажу я новость вамъ,—
Вѣдь согласитесь сами,
Что *истина* и *честь* не такъ поняты нами,
Какъ надо понимать ихъ намъ:
Ни истины, ни чести абсолютной
На свѣтѣ нѣтъ!
А если въ головѣ какой нибудь безпутной
Еще понятіе объ этомъ всемъ живетъ,
Такъ это—призракъ, ослѣпленье!
Что нынѣ—истина, то завтра—заблужденье!
Сегодня честнымъ васъ зовутъ,
А завтра вы—первѣйшій плутъ!
Все относительно на свѣтѣ!
Ну, хоть бы напримѣръ объ этомъ васъ предметѣ
Спросить,—
Чтобъ только васъ не оскорбить:
Волынскіе лѣса, подольскія селенья—
Скажите-ка, чьи эти всѣ владѣнья?
Какое имя имъ приличнѣй дать?
Ну, какъ назвать ихъ: Польша, иль Россія?
Найдутся ли у васъ права какія
Хоть такъ, хоть иначе назвать?!
Хе, хе, хе, такъ—то все у насъ на свѣтѣ!»...
Хозяинъ, выслушавъ осла,
Не безпокоился ужъ объ отвѣтѣ,
Но, просто, выгналъ отъ себя
Оратора съ предлинными ушами.—
А надобно сказать, свой духъ скрѣпя:
Такихъ ораторовъ не мало между нами.—

XVIII.

Оселъ-педагогъ.

Извѣстный педагогъ—оселъ,
Парадоксистъ ужасный
И тайный врагъ добра самый опасный,
Лѣсную молодежь давно съ ума ужъ свелъ
Идеями нелѣпыми своими,
Хоть этой, напримѣръ, что надзирать за ними
И нравы ихъ беречь... все это—сущій вздоръ;
И вообще весь нравственный надзоръ
Есть *«полицейское»* пустое учрежденье,—
Имъ надо волю дать и самоуправленье!»
Теперь, соуслаждаясь зломъ,
Нашъ педагогъ, въ насмѣшку надъ умомъ,
Вотъ выкинулъ какую штуку:
«Систематически преподавать науку—
Онъ говоритъ—есть сущій вздоръ;
На что система вамъ? на что сей кругозоръ,
Опредѣляющій границы знанья?
Онѣгинъ вѣдь давно уже сказалъ:
«Мы всѣ учились по—немногу
«Чему-нибудь и какъ-нибудь,—

«Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
«У насъ не мудрено блеснуть.»
Въ словахъ Онѣгина—великій идеалъ
Ученья и преподаванья!»
И—не шутя, настаиваетъ онъ,
Нашъ педагогъ, премудрый какъ Солонъ,
Чтобъ изданъ былъ законъ:
Монографически читать одни отрывки,
Безъ всякой связи и безъ всякой сшивки
Разрозненныхъ познанія частей.
А еслибъ чья душа хотѣла быть знакома
Съ системой всей,
Ну что жъ? знакомься съ ней «*Келейно*» дома»...
Въ восторгѣ отъ такихъ неслыханныхъ затѣй,
Ученые ослы, на перерывъ кричали:
«Прекрасно менторъ нашъ!» и всѣ рукоплескали!—
Не знаешь самъ, кого и обвинять....
Но, ахъ, нельзя со вздохомъ не сказать:
Какъ всѣ понятія въ лѣсу превратны стали!—

XIX.

Сепаратисты.

Либерализма духъ повѣялъ на лѣса,
И по лѣсамъ пошли различны толки:
Объ автономіи заговорили волки,
О земствѣ начала витійствовать лиса;
На что уже ослы,—и тѣ свой носъ подняли
И о судѣ присяжныхъ толковали.
Но обезьяны, всѣхъ бойчѣй,
На толкахъ не остановились,
Но заявить рѣшились
О полной сепараціи своей
Отъ всѣхъ звѣрей.
На двухъ окраинахъ онѣ издавна жили,—
Одна окраина чухландіей звалась
Другую же хохландіей дразнили.—
«Ну, можно ль насъ,
Чухландцевъ и хохландцевъ, такъ безславить,
Чтобъ въ категорію одну насъ ставить
Съ другими жителями здѣшнихъ мѣстъ?
Вѣдь намъ не позволяетъ наша честь
Считаться на ряду другихъ четвероногихъ;
Хоть не даны природою намъ роги,
Но посмотрите же, какія наши ноги,
Какія головы, какіе и умы?!

Особыхъ царства два устроимъ мы,
Чухландское одно, хохландское другое!
Тогда-то будетъ время золотое,
Какъ мы особняками заживемъ,
И все по-своему у насъ ужъ заведемъ!»...
—Ахъ, вы безмозглыя! имъ звѣри всѣ сказали:
Не ужъ ли для того мы васъ въ свой лѣсъ приняли,
Чтобы измѣною вы заплатили намъ?
Да и къ лицу ли вамъ
Самостоятельность задуманнаго царства?
Вѣдь вы способны лишь для обезьянства,
Чтобъ передразнивать, смѣшить другихъ,
А собственно другихъ достоинствъ ни какихъ
Природа вамъ не удѣлила.
Благоразумнаго либерализма сила
Вѣдь состоитъ не въ томъ,
Чтобъ жить особнякомъ:
Тогда бъ легко врагамъ въ добычу вы достались,
Съ либерализмомъ бы на вѣки попрощались
И, родъ за родомъ, всѣ исчезли бъ навсегда,—
Другаго, лучшаго плода
Сепаратизмъ вамъ не доставитъ.
Покайтесь, глупыя! и на всегда
Рѣшитесь вы затѣи всѣ оставить,
И откажитеся отъ вашихъ вракъ.
Всему извѣстно міру,
Что лишь *собаки бѣсятся отъ жиру:*
Не будьте же похожи вы
На бѣшеныхъ собакъ.

XX.

Возстаніе на Кремль.

Ватага пьяныхъ дураковъ
Московскій Кремль разбить рѣшилась кулаками,
А если бы не стало кулаковъ,
То поклялись разбить хоть собственными лбами.—
И—началась потѣха средь Москвы;
Иванъ Великій былъ для дураковъ мишенью.
Эй, москали! посторонитесь вы!
Кричатъ затѣйники: теперь ужъ нашъ чередъ
Стать во главѣ славянскихъ поколѣній;
И почему жъ-бы намъ не составлять народъ
Особенный отъ всѣхъ московскихъ настроеній?
Ну, хлопцы, дружно—маршъ! и всѣ противъ Ивана
Пошли, и—ну его кулачьемъ колотить!—
Иванъ стоитъ себѣ безъ всякаго изъяна,
А у затѣйниковъ и потъ съ лица катитъ,
И кровь изъ кулаковъ струится...
«Нѣтъ, хлопцы кулаки не въ прокъ,—
Давай-ка лбами мы катнемъ въ одинъ прискокъ,
Тогда ужъ противъ насъ и онъ посторонится!»—
Разогнались, и дружно лбами хлопъ!

Кровь полилась со лбовъ, а онъ стоитъ какъ столбъ,
И противъ нихъ никакъ не подается.—
Народъ вокругъ стоитъ, надъ пьяными смѣется,
Кто дразнитъ ихъ, а кто даетъ совѣтъ такой:
Послать бы въ часть сказать, чтобъ ихъ забрали
И окатили бы холодной ихъ водой
Для отрезвенія отъ пьянственнаго чада.
—Не надо!
Кричитъ одинъ москвичъ, бояринъ иль купецъ,
(По платью нѣтъ теперь межъ ними различенья)
—Пославши въ часть, мы слишкомъ ужъ значенья
Затѣйникамъ дадимъ,—и наконецъ
Кому до нихъ какое дѣло?
Любовью къ *родинѣ* ихъ сердце закипѣло,—
Ну, вотъ—и проявилась ихъ любовь
Чрезъ кровь
Съ разбитыхъ лбовъ и кулаковъ...
Пускай дурачатся, пускай ихъ кровь струится,
А намъ съ *доносами* соваться не годится.—
«Эхъ, батюшка—москвичъ! плохой вы гуманистъ,
Сказать бы крикуну такого мнѣнья:
«Какой же тутъ *доносъ*, когда для ихъ спасенья
Иль вы, или другой такой же публицистъ
Передаетъ на судъ общественнаго мнѣнья,
Что вотъ—такой, и вотъ такой сепаратистъ,
Хотятъ разбить стѣну дурацкой головою
И кровь изъ ихъ головъ течетъ уже струею,—
Такъ нужно бъ ихъ водой холодной окатить,
Чтобъ ихъ маленечко отъ глупости стрезвить?!»—

XXI.

Педагоги.

Педагогическій совѣтъ
Имѣлъ четыре засѣданья
Для совѣщанья
О томъ, зачѣмъ у нихъ песку не достаетъ,
Какъ пишутъ что-нибудь, для засыпанья.
При этомъ множество другихъ *неправдъ* нашли:
Не оказалось, напримѣръ, одной метлы,
Иль напримѣръ, когда всѣ пѣчки ветхи были
И пѣчекъ въ классахъ не топили,
Тогда *въ наличности дрова всѣ цѣлы были;*
А пѣчки, починивъ, какъ начали топить,
Расходчикъ все кричитъ: дровъ надобно купить!
Вѣдь это—разоренье,
Порядка нарушенье
И денегъ истребленье.
Раскрывши тщательно *всю* безпорядковъ *суть*,
Чуть-чуть не отдали расходчика подъ судъ....
О просвѣщеніи еще-ль мы не печемся?
Еще-ль не бережемъ намъ ввѣренныхъ дѣтей?
А въ *«засѣданіяхъ»* о чемъ же всѣ мы бьемся?...

Объ отопленіи училищныхъ пѣчей,
Да чтобъ были у насъ дрова, песокъ, солома!
Великій нуженъ умъ, чтобъ формы соблюдать,
Ни щепки ни одной не затерять,
И лишняго гроша не издержать
«На содержанье дома.»—

XXII.

Республика Ословъ.

Республика ословъ
Великой глупостью издревле отличалась,
Не знала ни законовъ, ни судовъ,
И только *вольностью* ослиной величалась.
А вольность состояла въ томъ,
Что каждый тамъ оселъ мечталъ быть королемъ
И могъ идти войною
Противу разномыслящихъ съ собою,—
Конфедерацію, бывало, соберетъ
Изъ разной сволочи, и съ нею рѣжетъ, бьетъ
Своихъ же родичей—ословъ единокровныхъ.—
Для усмиренія сограждан безпокойныхъ,
И для другихъ общественныхъ причинъ,
Не разъ у нихъ было народное собранье:
Какъ будто путные, идутъ—за чиномъ чинъ—
Сойдутся, расиочнутъ, бывало, засѣданье,
И выслушавъ своихъ ораторовъ блеянье,
Рѣшатъ, какое предпринять дѣянье....
Какъ вдругъ какой-нибудь оселъ одинъ,
Подкупленный противной стороною,

Иль просто, сдуру, самъ собою,
«Я не позволямъ!» зареветъ,
И цѣлый сеймъ тѣмъ словомъ подорветъ!...
Порядокъ рушился! пропало засѣданье!
Опять разбой, рѣзня, крикъ, вопли и стенанье!...
Такая вся была исторія ословъ.—
Не тратя лишнихъ словъ
Для вразумленія такихъ головъ,
Сосѣди иначе рѣшили:
Республику ословъ на части раздѣлили!—
Одна изъ трехъ частей пришлась на долю львовъ:
«Упадамъ до ногъ!» всѣ ослы имъ закричали,
Предъ львами ползали, и ноги имъ лизали.
«О львы премудрые! вы *воскресили* насъ!
Всю кровь прольемъ за васъ!
Да вы для насъ такіе дорогіе,
Такіе добрые, такіе золотые,
Что трудно молвить, ну—*цѣлуемъ ножки вамъ!»*...
Великодушіе прилично львамъ,
А тутъ еще ослы и лестью подкурили,—
Такъ львы безпечны черезъ чуръ ужъ были,
Тѣмъ больше что ослинымъ головамъ,
Казалось бы, нельзя на выдумки пуститься,
Чтобъ изъ-подъ власти львовъ освободиться.
Такъ вотъ же нѣтъ! ослы устроили свой ржондъ,
И революцію распочали на славу!—
Возстановить ослиную державу,
На вѣки свой прославить родъ,
Не только выбиться изъ-подъ державы львиной,
Но завладѣть и ихъ державы половиной—

Проэктъ у нихъ былъ вотъ каковъ,
Проэктъ, дѣйствительно, достойнѣйшій ословъ!—
Встряхнули гривой львы: «э! братцы, вы шалите,
И черезъ чуръ ужъ многаго хотите,»
Сказали львы осламъ: «съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ,
Такой нелѣпости не доводилось быть,
Чтобы ослы надъ львами пановали
И въ подчиненьи ихъ держали.
Когда жъ вамъ съ нами не угодно жить,
Такъ что жъ? подалѣе на сѣверъ вы идите,
Хоть цѣлый *полюсъ сѣверный* займите!
И демонстраціи тамъ можете творить,
И сколько вамъ угодно, насъ бранить,—
Отъ дружбы только насъ вы вашей свободите!»—

XXIII.

Муравей и Трутни.

Трудолюбивый муравей,
По зернышку для житницы своей
Запасы собирая,
Трудился отдыха не зная,
И утѣшался тѣмъ, что онъ полезенъ былъ:
Трудился, и другихъ трудиться научилъ.
За что же, трутни, всѣ вы на него кричите?
За что клевещете? за что его браните?
Видно, не сносенъ вамъ примѣръ труда?...
—Ну, да!—
Въ отвѣтъ жужжали трутни:
—Зачѣмъ онъ трудится? зачѣмъ не устаетъ?
Намъ подвигъ муравья полезный, многотрудный,
Покою не даетъ:
Своей охотою трудиться
Мѣшаетъ намъ болтать, гаерствовать, лѣниться,—
Ну, какъ же намъ терпѣть его, и не браниться?!—

XXIV.

Собаки.

Эмблема вѣрности, извѣстно кто — собака. —
Двѣ-три собаки стадо стерегли;
Хоть *частная* у нихъ не разъ бывала драка,
Но службу *общую* согласно всѣ несли,
И дружно берегли имъ ввѣренное стадо. —
«Что братцы, въ помочь вамъ четвертаго не надо?
И я хотѣлъ бы съ вами здѣсь служить, —
Примите въ вашу дружбу;
На ревностную съ вами службу
Всю жизнь мою готовъ я посвятить.»
Такъ, подошедши къ нимъ, сказалъ прохожій —
Собака — не собака, волкъ — не волкъ,
Какой-то звѣрь на обоихъ похожій, —
Сказалъ, и все зубами щелкъ да щелкъ....
Три пса прохожаго сейчасъ же окружили,
Обнюхали его кругомъ,
Потомъ,
Что отвѣчать ему никакъ не находили.
«Чего боитесь вы?» сказалъ имъ гость:
«Отъ вашихъ я костей родная кость,

Такой же, какъ и вы, собака»...
—Нѣтъ, братецъ, знаемъ мы, какой ты забіяка,
Надумавшись, сказали псы ему:
Не надо намъ тебя! а знаешь, почему?
Хоть у тебя собачьи кости,
Но волчьимъ мясомъ обросли,—
Ну, какъ же бы тебя мы въ дружбу приняли?
Проваливай, и впредь не приходи къ намъ въ гости.—

XXV.

Пѣтухъ, Орлы и Вороны.

Голландскимъ курицамъ и коршуну съ родни,
Пѣтухъ задорливый, крыкливый,
Два раза ужъ бѣжалъ изъ западни,
Куда онъ попадалъ за планъ свой горделивый:
Старинныхъ пѣтуховъ династію прогнать,
И самому ихъ тронъ въ курятникѣ занять.
Но въ третій разъ онъ все употребилъ умѣнье,
И планъ таки—привелъ свой въ исполненье:
Старинныхъ пѣтуховъ прогналъ,
И надъ курятникомъ владыкой сталъ!—
«Фактъ совершившійся»—ужъ такъ и быть—признали,
И всѣ его властителемъ назвали.—
Теперь бы жить ему да поживать,
Не трогать никого, и мирно пановать;
Такъ вотъ же нѣтъ! задорная натура
Такъ—и влечетъ его къ разбою и войнѣ!
Хоть и сказалъ онъ какъ-то сдуру:
«Курятникъ—это миръ,» но и внутри и внѣ
Вокругъ его вездѣ вражда кипѣла.
Онъ взялъ за правило: сосѣдей всѣхъ мутить,

Всѣхъ птицъ то ссорить, то мирить,
Того не забывая впрочемъ дѣла,
Чтобъ что-нибудь всегда къ себѣ пригородить.—
Его завистливое око
Увидѣло, что на горѣ высоко
Устроено гнѣздо орловъ:
Вотъ прототипъ всѣхъ вздорныхъ пѣтуховъ
Затѣялъ и орловъ тревожить.
А чтобъ злокозненность усилить и умножить,
Онъ прочихъ птицъ всѣхъ началъ подъущать—
Въ орлиное гнѣздо бросать
Дипломатическими камешками:
«Что вотъ-де-вы орлы широкими крылами
Ужъ слишкомъ много мѣста заняли,
Такъ половину бы воронамъ отдали
Въ особое для нихъ владѣнье»....
Вороны глупыя, узнавъ такое мнѣнье
Распорядителя судебъ курей,
Въ безсильной ярости своей
Съ орлами въ бой вступили,
Послѣднія свои всѣ силы истощили,
И всѣ погибли наконецъ;
А покровитель ихъ, защитникъ и отецъ,
По-прежнему горланитъ: кукареку!..
Не слыхано, не видано отъ вѣку,
Чтобъ двоедушничать другой такъ могъ, какъ онъ,
Сей покровитель племени воронъ,
Не опасаясь наказанья;
Но... наконецъ и онъ дождался воздаянья:
Интригами, коварствомъ злымъ

Онъ такъ ужъ надоѣлъ сосѣдямъ всѣмъ своимъ,
Что птицы наконецъ всѣ на него напали,
Ему всѣ пѣрья ощипали,
И красный гребень съ головы сорвали!—
Общипанный со всѣхъ сторонъ,
Лежитъ въ грязи на полѣ онъ,—
И тамъ его свои ужъ куры доклевали.—

XXVI.

Домашнія совѣщанія.

Воришки мелкіе поклонъ большому вору
И жалобу съ поклономъ поднесли
За то, что какъ они въ ночную пору
Убійство и грабежъ произвели
И начали потомъ вездѣ буянить,
То всѣ сосѣди межъ собой
Рѣшились правиломъ поставить:
Вооруженною рукой
Преслѣдовать вездѣ разбой, —
И вотъ—теперь имъ нѣтъ нигдѣ покою,
Ни *перемирія* ни кто имъ не даетъ,
И даже ихъ никто не признаетъ
Воюющею стороною —
Чтобъ ихъ къ *переговорамъ* допустить,
Но, просто, рѣшено: убійцъ искоренить!!
Услышавши такія вѣсти,
Великій оберъ-воръ торжественно зѣвнулъ,
Потомъ изъ злобы и изъ мести
Воришекъ мелкихъ этакъ онъ ругнулъ:
„C'est pire qu'infame, c'est ridicule.“ —

XXVII.

Равновѣсіе.

Для *равновѣсія державъ* между звѣрями,
Звѣришки мелкіе устроили законъ:
Не трогать ту страну, что занята свиньями,
Но сдѣлать изъ нея особенный притонъ
Для всѣхъ преступниковъ—что есть на свѣтѣ хуже.
И вотъ—со всѣхъ лѣсовъ пустились къ этой лужѣ
Злодѣи-звѣри всѣ въ сожительство къ свиньямъ.
Житье было тамъ бѣглецамъ!
Они принявши тамъ исламъ,
Сейчасъ же дѣлались свиньями,
Съ такими жъ, какъ у нихъ, предлинными ушами;
И поступила вся страна свиней
Въ распоряженіе такихъ пройдохъ—звѣрей.
А свиньи съ радости и съ гордости сдурѣли,
Захрюкали и заревѣли,
И подъ владѣнья львовъ подрыться ужь хотѣли...
Ну, какъ же свиньямъ отплатили львы?..
Не скоро, но на славу,
По-своему имъ сдѣлали расправу:
Вонъ выгнали свиней изъ той страны,

Которою они безумно такъ владѣли!
«Идите вы себѣ, сказали львы свиньямъ,
Туда, откуда забѣжали къ намъ,
И ренегатовъ всѣхъ съ собой берите,
А насъ не пачкайте и не срамите.»—

XXVIII.

Ноты.

Дипломатическія ноты
От жабъ, лисицъ и отъ курей
Получены у льва, царя звѣрей.—
Державы тѣ, принявъ заботы
О безмятежіи вселенной всей,
Замѣтили, и съ чувствомъ сожалѣнья
Царю звѣрей поставили на видъ,
Что въ округѣ его владѣнья
Навозу куча смрадная лежитъ,
Червями вредными кишитъ,
И воздухъ заражаетъ;
А черви тѣ, про это всякій знаетъ,
Разползшись по вселенной всей,
Зловредностью своей
Мѣшаютъ общему покою,—
И государственному строю
Опасность общая теперь отъ нихъ грозитъ:
Такъ—дескать—ставимъ мы царю звѣрей на видъ,
Чтобъ кучѣ тѣхъ червей онъ далъ благоустройство
И обезпечилъ бы всеобщее спокойство.

«Резонъ!» отвѣтствовалъ левъ, царь звѣрей,
Всѣ прочитавши ноты:
«Чтобъ куча смрадная червей
Впредь не чинила никому заботы,
И не рождала бы ни въ комъ охоты
Мѣшаться не въ свои дѣла,
Повелѣваемъ мы, чтобъ отъ сего числа
Навозна куча та сейчасъ была разрыта,
Съ землею сравнена и извѣстью залита.»—
Поднялся страшный смрадъ!
Всѣ черви тѣ вздулись, потрѣскались, шипятъ,
И скоро всѣ отъ извѣсти пропали...
(Вѣдь вы же сами этого желали?!)—

XXIX.

Примирительная система.

Шакалы съ зайцами въ одномъ оврагѣ жили;
Шакалы—пришлецы, а зайцы—старожилы.
Но пришлецы были такой лихой народъ,
Что всякъ изъ нихъ вотъ—такъ и рвется и реветъ,
Вотъ-такъ и лѣзетъ все впередъ,
Чтобъ игемонію надъ зайцами присвоить.
И—сколько слезъ все это зайцамъ стоитъ!
Какихъ они не натерпѣлись бѣдъ!
Одно изъ двухъ: или стереть ихъ слѣдъ,
Иль *ошакалить* зайцевъ замышляли
Разбойники шакалы;
Хоть такъ, хоть этакъ, но оврагомъ овладѣть—
Единственный шакаловъ былъ предметъ.—
«Нѣтъ, зайцы говорятъ:» мы ихъ не пересилимъ,—
Давай—перехитримъ, и всѣ лѣса удивимъ,
Въ недоумѣніе поставимъ всѣхъ звѣрей
Искусствомъ дорожить народностью своей!

Противпоставимъ имъ *систему примиренья!*
Уступками—враговъ мы нашихъ побѣдимъ!
Противъ любви вѣдь нѣтъ сопротивленья,—
Шакаламъ мы отпоръ любовію дадимъ!
Тогда.... «въ бореньи падшій не вредимъ,—
«Тогда мы не наполнимъ имъ
«Того, что древнія скрижали
«Хранятъ въ преданіяхъ своихъ»
О подлости и звѣрствѣ ихъ.
Но скажемъ такъ: всѣ прежніе шакалы,
Вотъ, напримѣръ, шакалъ—Ѳаддей, шакалъ—Адамъ,
И прочіе, что шли по ихъ слѣдамъ,
Не только злобой къ намъ себя не запятнали,
Но и безсмертіе себѣ стяжали
Въ исторіи своей страны,
И образцомъ для внуковъ быть должны.—
Враги опомнятся и устыдятся,
Шакалы въ зайцовъ превратятся,
И мы, какъ братья, съ ними заживемъ,—
Начнемъ, начнемъ!»—
И зайцы начали *систему примиренья*
Вводить во всѣ съ шакалами сношенья.
Изъ зайцевъ кто-то даже основалъ
Въ оврагѣ примирительный журналъ,
И пренаивно призывалъ
Шакаловъ къ чувству единенья.—
Шакалы, выслушавъ весь добродушный бредъ,
Который расточалъ имъ журналистъ—сосѣдъ,
На цѣлый свѣтъ захохотали:
«Дадимъ же знать себя, что мы не зайцы, но шакалы!»

И—зайцевъ начали совсѣмъ искоренять,
А зайцы глупые имъ стали помогать
Въ своемъ конечномъ истребленьи,
Забывши вѣковое наставленье:
Шакалъ всегда и былъ и будетъ хищный звѣрь,
Гони его, и никогда ему не вѣрь.—

XXX.

Сторожъ.

Въ имѣніи одномъ спокойно люди жили,
Съ сосѣдями хлѣбъ—соль водили,
И сами никому не мысля зла,
Безпечны черезъ чуръ ужъ были.
Но вдругъ изъ одного села
Пришло извѣстіе: «разбой, убійство, драка!»...
Какой-то забіяка,
Прокравшися въ село,
Нашелъ бездѣльниковъ и всѣхъ увлекъ на зло:
Пошли съ огнемъ, съ ножами, съ кистенями,
Бьютъ, рѣжутъ, жгутъ, и межъ лѣсами
Другихъ разбойниковъ еще на помощь ждутъ....
Что дѣлать тутъ?...
Вотъ мирные жильцы спокойнаго имѣнья,
Ужъ какъ ни мирны, вышли изъ терпѣнья,
И сильную послали рать
Разбойниковъ ловить и истреблять,—
Тревога сдѣлась повсюду!—
Для ободренія испуганнаго люду,
Одинъ свободный человѣкъ

Самъ вызвался быть сторожемъ для всѣхъ,—
Сталъ зорко наблюдать за всей своей страною,
Чтобъ зажигатели иной порою
Не подкралися къ намъ,
И чуть примѣтитъ что,—подниметъ крикъ и гамъ,
Безпечныхъ жителей всѣхъ будитъ,
И къ защищенью нудитъ.—
«Ахъ, Боже мой! какой же вы чудакъ!»
Отозвались жильцы спокойнаго имѣнья:
«Ну, можно ли кричать вамъ такъ?
Зачѣмъ столь рѣзкій тонъ? зачѣмъ такое рвенье?»
—Да насъ же рѣжутъ,—сторожъ отвѣчалъ.
«Ну, рѣжутъ! пусть себѣ! а все же не кричите!
Вашъ крикъ и ваше рвеніе—скандалъ!
Международную вражду разворошите,
Раздразните враговъ и—больше ничего»....
—Ого!
Подумалъ сторожъ, какъ далеко
И какъ глубоко
Пропагандисты зла закинули ужъ сѣть!..
Душа болитъ, когда все это видитъ око...
Ну, какъ же мнѣ не смѣть—
Сказать тузамъ спокойнаго имѣнья:
Отцы родимые! поберегите честь,
Когда она въ васъ есть,
Чтобъ кары избѣжать общественнаго мнѣнья?—

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
NOV 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962